

Из книги: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники: В 2 томах. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893-1894. стр. 437-449.

Географический словарь¹

Боккаччо принялся за него ради отдыха и развлечения, по окончании большого труда², может быть, Генеалогий, то есть принялся за приведение в порядок заметок, которые делал себе, читая для Генеалогий и во время работы над ними; тогда же у него могла явиться идея собрать их в одно целое, то, что приходило на память, не делая новых разысканий³, и он дважды указывает в Генеалогиях на этот будущий свод, под несколько иным заглавием: *De Montibus et Fluminibus*. Единственно, что может повести к заключению, что под «большим или изрядным трудом» разумеются не Генеалогии, а нечто другое, это заявление о *De Montibus*, как уже написанной работе⁴; но она могла быть написана и по окончании Генеалогий, хотя и до их выхода в свет, что случилось, как известно, гораздо позже. Если боязнь соперничества с учителем (Петраркой), о чем говорится в послесловии к словарю, имеет в виду его *Itinerarium Syriacum*, составленный, вероятно, до 1363-го года, может быть, в 1361-м году⁵, то мы получили бы некоторую, хотя и колеблющуюся точку отправления для определения времени, когда Боккаччо принялся за редакцию своего географического труда.

После небольшого введения, в котором объясняется естественный порядок изложения (горы прежде лесов, на них растущих и т.д.), следуют географические, расположенные в порядке алфавита, перечни: гор, лесов, источников, озер, рек, болот и морей; каждому отделу предшествуют вступительные статьи. Книжка должна служить пособием при чтении классических поэтов и историков: Боккаччо берет свой материал из древних авторов⁶, сопоставляя их сведения, поверяя одно другим. Цитат, за исключением некоторых, случайных, нет: это не отвечало практической цели труда, но

---

¹ *De Montibus, Sylvis, Fontibus, Lacubus, Fluminibus, Stagnis, seu Paludibus, de nominibus Maria.*

² Введение: *Surrexeram equidem fessus a labore quodam egregio..... assumpsi loco jocosu laboris studentibus poetarum illustrium libros aut antiquorum hystorias revolventibus in aliquo levi ope si possem velle prodesse.*

³ Сл. в заключении трактата: *Esto (ut ab initio testatus sum) quietis causa non apxium acremque sed jocosum laborem assumpsi, a quo ne adversus intentionem meam defatigarer, quiequid in memoriam venit nulla indagine solertiori peracta concessi calamo.*

⁴ *Scripsi VII, 50; сл. ib. 30.*

⁵ Сл. выше стр. 85.

⁶ Введение: *Celebres inter auctores quoscumque et potissime gentiles; заключение: Maiorum imitatus sum monumenta et potissime poetarum illustrium, circa quos plurimum hactenus versatus sum.*

новейшая критика восстановила объем чтений Боккаччо; он богаче материала, которым пользовался автор *Dittamondo*; кроме поэтов, привлечены: Аристотель, Варрон, Цезарь, Тит Ливий, Витрувий, Помпоий Мела, Сенека, Иосиф Флавий, Курций, Солин, Евсевий с добавлениями Иеронима, Сервий, Вибий Секвестр, Орозий, Марциан Капелла, Исидор Севильский, Лактанций Плацид, глоссатор Стация. Из Географического словаря Вибия Секвестра, также расположенного в алфавитном порядке, Боккаччо черпал с лихвою, но его интересовали и современные географические известия; его старый учитель Андалоне ди Негро странствовал по всем частям света¹, сам он вносил в свою рабочую тетрадь репортажи о путешествиях²; у него к этому такая же страсть, как у Петрарки, тот также любит путешествовать, хотя бы — по карте³; сам он многое видел⁴, о многом расспрашивал у очевидцев; греческие названия гавани и мысов на Понте⁵ он мог слышать от моряков, но сознается, что главные его источники письменные, свидетельства древних, которым он склонен верить более, чем показанию своих глаз⁶. Это уважение к древнему преданию не мешает ему порой обнаруживать сомнение, недоверчиво улыбаться⁷, и разбирая мнения о положении Каспийского моря, выразиться таким образом: какое из мнений верно, решать более сведущие⁸, ибо я не смею не доверять древним и не могу не поверить современникам-очевидцам⁹.

Статьи словаря неравномерны, как и отделы Генеалогий; это зависело от качества источников; иногда и сам Боккаччо распространялся ввиду читателей, каких он себе воображал. Сведения сообщаются разнообразные: топографические, физические и археологические; говорится о местных культах и достопримечательностях в стиле *mirabilia*; рассказываются мифы с их толкованиями; Нептуну посвящена особая небольшая статья; объясняются собственные имена, напр. Авентина, Палатина, Понта, причем Боккаччо рискует и собственную этимологию: Понт, может быть, мост (*pons*), ибо он замерзает. Под *Tinolus* (гора в Киликии или Меонии) замечено: *Tinolus*, или как

---

¹ Сл. выше т. I, стр. 76.

² Сл. выше, стр. 102.

³ *Sen.* IX, 2.

⁴ В введении к отделу *De Fluminibus: de bis potissime dico quos... ipsi sumpsimus oculis regiones varias peragrantes.*

⁵ *Calosulimen, Cruimeropon, Parthemon* в *De Maribus* a. v. *Calosulimen.*

⁶ В заключении: *Pausa quaedam visa aut fidedignis audita ultra quam scripta compererim apposui; nec inficiabor: vidi quaedam so aliter habere quam veterum rationes ostendunt, quibus tamen indulgens fui, ut mallem potius eorum auctoritati quam oculis credere meis.*

⁷ Сл. в отделе *De Montibus* a. v. *Canatus*; в отделе *De Fluminibus* a. v. *Adonius, Marsia, Ister, Padus.*

⁸ *Diligentioribus.*

⁹ *De Maribus* a. v. *Caspium mare.*

другие вернее пишут, Tmolus, сливая и n в m, — как то часто делают греки; название Тибра, звавшегося прежде Albula, перенесено на него от канала, вырытого пленными афинянами для жителей Сиракуз: в сущности это греч. *ybris: injuria*, с приставкою t; одна из многих этимологий, из которых ни одна не невозможна, замечает Боккаччо. Различные названия одной и той же местности, горы или реки, или колебания в их объяснении отразились в Словаре распределением материала по разным рубрикам: Эридан и Пад, Дунай и Истр, Amimoneus и Lerneus (fons); статьи: Beris¹, Cardenni, Ocila отсылают к Арарату, Тавр к Кавказу.

Как и можно было ожидать, итальянская часть словаря вызывает в нас особый интерес: здесь Боккаччо мог многое видеть лично, и археологические воспоминания сливаются для него с впечатлениями современности. С любовью описаны местности вокруг Неаполя и Байского берега, воспетые в Филострато и Фьямметте². Точка отправления — география классиков: Боккаччо ищет под Неаполем реки Sebetus — и не находит: разве это безымянный поток, вытекающий из подошвы Везувия и впадающий в море у Неаполя. Так пропала когда-то воспетая Вергилием река Numicius, а о Рубиконе мало кто знает: жители зовут его теперь Pisciatello. Поэтические имена исчезли, и Боккаччо отыскивает соответствующие им в средневековой и современной географической номенклатуре: Helia зовется теперь Veglia³; Тавромения еще и Euseboncora⁴, залив Пола — Кварнаро⁵, Saturnia porta на Капитолийском холме названа названа была впоследствии porta Pandana⁶; Glanicus, теперь Гарильяно⁷; сообщаются итальянские наименования устьев По⁸: Везувий вызывает воспоминание о страшном извержении при Нероне; теперь гора не курится и не извергает пламени, жители зовут ее Somma⁹, у ее подошвы происходила битва между римлянами и латинами, в которой консул Публий Деций обрек себя подземным богам¹⁰.

Внимание Боккаччо делится между историческими и физическими

---

¹ Baris, Jos. Ant. Iud. 1, 3, 6.

² Сл. De Montibus: Inarimes (сл. Gen. Deor. IV, 22), Massicus, Vesevus; De Fontibus: Baiarum fontes, Ciceronis fons, Leucogei fontes; De Lacubus: Anius, Avernus съ замечанием, что по мнению «невеж» здесь был вход в преисподнюю; De Fluminibus: Sarnus, Sebetus; De Maribus: Baianus sinus, Misenus sinus и др. Сл. описание Байского берега в Itin. Syr. Петрарки у Lumbroso, I. с. стр. 34 след.

³ De Montibus a. v. Palinurum.

⁴ De Flum. a. v. Taurominus.

⁵ De Maribus a. v. Polaticus sinus.

⁶ De Montibus a. v. Capitolinus mons.

⁷ De Fluminibus a. v. Glanicus.

⁸ L. c. a. v. Padus.

⁹ Vulgo Summam vocitant.

¹⁰ De Montibus a. v. Vesevus.

впечатлениями местности: первые провожают его от локализованного мифа к оценке современных отношений, вторые от баснословных рассказов, которые он принимает на веру, к личным наблюдениям, показывающим, что и к деталям природы он присматривался так же внимательно, как и к явлениям человеческой жизни.

Однажды Гераклес зашел в горы Этрурии; его попросили показать свою силу, и он воткнул в землю свою железную палицу, которую лишь он один был в состоянии выдернуть; теперь на этом месте озеро¹. Монте Кассино, горы Гарган и Соракте вызывают не только классические воспоминания, но и память о св. Бенедикте, папе Сильвестре и о чуде арх. Михаила²; в Арицинском лесу вещала нимфа Эгерия и умер Симон маг³; с высоты «королевской» горы⁴ Альбоин впервые увидел Италию; на реке Калоре при Беневенте погиб в битве Манфред⁵ и там же был похоронен, пока, по повелению папы Климента, его тело не бросили на берегах реки Верде⁶, как человека, отлученного от церкви; болото Сатура или Астура дало название городу, известному пленом Свева Конрадина⁷. На горе Algidus, недалеко от Рима, городок того же имени; теперь там лес и водятся разбойники⁸; Монако — гнездо генуэзских пиратов, как в Дек. II, 10⁹; Болонья, около которой протекает Рено¹⁰, все еще славная mater studiorum. Пафлагонцы, переселившиеся в Италию с Антенором, назвались венетами¹¹; но это не нынешние венецианцы, эти произошли от падуанских рыбаков, и там им благоприятствовала судьба и собственная ловкость, что они возомнили о себе, хотят захватить власть на море, готовы изменить и старое его имя, из Адриатического в Венетское¹². Они, быть может, имеются ввиду, когда об Эгейском море говорится, что над ним тяготеет теперь иго рабства¹³; в комментариях к Божественной комедии венецианское владычество на Крите названо тиранией; или разумеется турецкая власть на море, на которую жаловался в своей речи к папе Бенедикту XI Варлаам?

Естественно-исторические воззрения Боккаччо стоят на уровне его времени: он

---

¹ De Lacubus, a. v. Cuminius lacus.

² De Montibus a. v. Casinus, Garganus, Soractes.

³ De Sylvis a. v. Aricinum nemus.

⁴ De Montibus a. v. Regis mons.

⁵ De Fluminibus a. v. Calor.

⁶ L. c. a. v. Viridis.

⁷ De Stagnis a. v. Satura.

⁸ De Montibus a. v. Algidus.

⁹ L. c. a. v. Monychus promontorium.

¹⁰ De Fluminibus a. v. Rhenus.

¹¹ De Montibus a. v. Cithorius.

¹² De Maribus a. v. Venetum mare.

¹³ I. c. a. v. Aegeum mare.

верит, что реки получают свои воды из океана через подземные каналы, и серьезно вносит в свой словарь разные тератологические диковинки, напр. об одном озере в Апеннинах: камень или что-либо другое, в него брошенное или попавшее, производит страшную бурю¹; о двух реках в Калабрии, воды которых окрашивают в белый или черный цвет². Иные сообщения интересны, напр. о потоке Черреторио между Пистойей и Луккой, в известные периоды времени извергающем и влекущем громадное количество камней³; так рассказывали тамошние жители, но сам автор видел, во времена времена короля Роберта, несметное количество заснувшей рыбы, извергнутое Авернским озером: внутри они были черны и пахли серой, вероятно, они подошли от того, что в озере обнажились в ту пору серные жилы⁴. Окаменелые раковины Чертальдо, Чертальдо, остатки древнего потопа, издавна привлекали внимание Боккаччо⁵: он говорит о них по поводу реки Эльзы, протекающей мимо старого замка Чертальдо, «о котором я любовно храню память, ибо это была оседлость и родина моих предков, прежде чем Флоренция приняла их в число своих граждан»; вещи, брошенные в Эльзу у ее истоков, покрываются каменной корою⁶. Симпатии к Флоренции сказались тем, что Арно помещен в числе рек не в порядке алфавита, а первым, ибо это мне родная река, знакомая мне с детства⁷, говорит Боккаччо, описывая ее течение; на пути отмечены: Анчиза, где жили предки светила поэтов, Франческо Петрарки; затем краса Италии, Флоренция. Арно не судоходен, не богат рыбами, но на его берегах совершались славные подвиги; Боккаччо упоминает лишь об одном, в котором сам Арно как бы лично принимал участие: внезапно выйдя из берегов, он остановил Аннибала, шедшего от Фьезоле к Ареццо, причем часть пунийского войска погибла, сам Аннибал лишился одного глаза; случилось это, быть может, в долине Флоренции; не от того ли флорентийцы издавна зовутся слепыми?⁸ Если б и другие реки поступили так же, пунийцу пришлось бы сражаться слепым, либо оставить Италию в покое.

Анчиза заставила Боккаччо помянуть Петрарку; тем более Соргия в Воклюзе⁹;

---

¹ De Lacubus a. v. Scaphagiolus.

² De Fluminibus a. v. Crotides и Sabaris; сл. еще Cherius.

³ L. c. a. v. Gerretorium.

⁴ De Lacubas a. v. Avernus.

⁵ Сл. выше стр. 61 и прим. 3, стр. 327.

⁶ Сл. De Fluminibus a. v. Elsa; то же в комментариях на Божественную комедию.

⁷ Quia patriae flumen sit et mihi ante alios omnes ab ipsa infantia cognitus.

⁸ Ob semicaecatam hostem florentini... cognominati sunt caeci. В комментариях на Божественную комедию Боккаччо дает иное легендарное объяснение этого прозвища. О других сл. брошюру Corazzini, знакомую мне по *Bulletino della Società Dantesca italiana*, v. I, fasc. 8, стр. 157—8.

⁹ De Fontibus a. v. Sorgia.

она знаменита издревле, станет еще знаменитее песнями и пребыванием нового гостя¹ — ибо сюда удалился из нового Вавилона, ища уединения, славный муж Франческо Петрарка, мой согражданин и наставник. Приобретя домик и клочок поля, довольствуясь услугами своего работника, вдали от всяких соблазнов, он честно и свято провел здесь цветущую пору своей юности, и не в пустом тунеядстве и наслаждении прелестной природой, а среди неусыпных, священных занятий. Боккаччо перечисляет некоторые из его творений²; они свидетельствуют скорее о божественном, чем о человеческом таланте. Петрарки нет более в Воклюзе, но его обитель стала как бы святыней, жители показывают ее проходящим, а сыновья и внуки почтят еще большею честью память великого поэта³.

Мы уже знаем, что паломничество к святыне Петрарки началось еще при его жизни⁴; он сумел сделать его интересным; такие панегиристы, как Боккаччо, проторили к тому путь. Даже в послесловии к своему словарю он нашел возможным восхвалить своего учителя за его географические труды, которых мы почти не знаем, а себе уделил скромную роль работника, связанного плачевными условиями своих источников, принужденного доверяться неисправным текстам. Ошибались авторы, и это простительно: они не все могли видеть сами; переписчики, скорее копировальщики⁵, не находят извинения. Прежде этим великим делом занимались лишь люди знающие⁶, теперь смело берется за него всякий, лишь бы умел выводить и связывать буквы, и берет деньги; что всего хуже, нередко, бросив прялку и ткань, на это отваживались и женщины. Они копируют, не понимая, выпускают и изменяют, случайно или по неразумению, вследствие чего страдает орфография, диграфы исчезают или не отмечены соответствующими значками, нет знаков препинания и тех, которыми мы привыкли обозначать изменения слова; в результате мы читаем не то, что писали древние, знаменитые авторы. Если писец и замечает порой свою ошибку, не исправляет ее, чтобы не набросить на себя тень и рукопись вышла чистая. В обыкновенных случаях знание грамматики помогает восстановить написанное, легко было принять за разное и так и разместить; Боккаччо предпочитал вносить хотя бы лишние имена, чем удалять

---

¹ *Novi hospitis.*

² Африку, Буколику, послания в стихах и прозе; инвективы против врачей и *De vita Solitaria.*

³ *Quasi obsoleto veteri aquarum miraculo post ejus discessum aetatis fervor superato tamquam sacrarium quoddam et quodam numine plenum ejus hospitium visitant incolae ostendentes loco miraculi ignaris et peregrinis; nec dubium quin adhuc filii, nepotes et qui nascentur ab illis ampliori cum honore tam vatis administratione (?) vestigia veneretur (sic).*

⁴ Сл. выше стр. 112.

⁵ *Immo pictores.*

⁶ *Homines exquisiti ingenii et intelligentes.*

инные конъектурой; пусть исправят его читатели, у которых под руками лучшие тексты. Он мог ошибаться и в другом роде, называя напр. реку ручьем и т.п.; здесь он всюду связан был своими источниками, показаниями древних писателей, немногим виденным и слышанным. Его могут спросить: почему, назначая свой труд для малообразованных¹, он не предпочел употреблять современные названия местностей? Но ведь их отношения к древним редко можно установить с точностью, а в других случаях только предположить; да и словарь назначен для уразумения древних писателей, где и названия древние.

Боккаччо спешит к цели своего пути, когда аромат лавра заставил его взглянуть в сторону, и он увидел славного, почтенного мужа, Франческо Петрарку, своего именитого учителя: в венке из лавра, он медленно шествовал по тому же пути (что и автор), серьезно благодушный, видимо труд не утомил его, он погружен в другие, более глубокие думы. Я изумился, говорит Боккаччо: что привело великого человека к столь скромному порогу? Но мне припомнился Вергилий, то выводивший стадо в долину, то возносивший своего Энея выше звезд. Я покраснел от стыда, бранил судьбу, что меня, последнего из учеников, она заставила соперничать с учителем. Идти ли мне, или вернуться, изгладив следы на пути? Много побуждало меня к возвращению: и возвышенный стиль наставника, обаятельный, несмотря на неподходящее содержание; и знание дела, ибо, казалось, он все видел и все удержал в верной памяти. А у меня ни стиля, ни знания, ум неповоротливый и слабая память; но тут мне вспомнилось старое присловье, что от сопоставления крайности становятся ярче, и я изменил своему намерению: я буду ему не соперником, а преданным слугой, подобные тексты; но как быть с собственными именами лиц и местностей? Тут одно и то же название, равным образом стану уготовлять ему путь. Так я дошел до конца своей работы и предупреждаю читателей, что если в ней окажется нечто, несогласное с мнениями славного мужа, пусть осудят меня и следуют ему. Я писал, что приходило на ум²; он же, я уверен, что писал или напишет, то все взвесит, во всем серьезно разобравшись. Если же найдут у меня что-либо, согласное с его писаниями, пусть припишут это Господней благодати и наставлениям учителя³.

Еще раз, как в *De Casibus*, является знакомый нам идеализованный образ человека, которого Боккаччо неизменно звал своим учителем в гуманизме, которого

---

¹ Rudes.

² Quod in buccam venit.

³ Doctrinae ascribatur suae.

избрал себе примером для подражания, объектом поклонения. В этом он искренен, увлекается до скромности, до забвения своей самобытности. Между тем оба вышли к той же цели разными путями, независимо друг от друга, и когда влияние Петрарки стало возможным, Боккаччо был уже сложившимся человеком. Только путь Боккаччо был труднее, цель достигалась борьбою; он больше самоучка, работал урывками, не прошел университетской школы, хотя, быть может, в вопросах гуманизма от нее и нечего было ожидать многого; позднее отсутствие средств и досуга мешали спокойной работе. там он стал об руку с Петраркой. Оба одинаково идут в римскую древность, неутомимые начетчики, но с разными вкусами: один чутче к афоризму, другой любит и эпический факт. Увлечение классическими авторами развило у того и другого потребность критики, нередко наивной, культ изящной латинской речи и композиции; в последнем отношении Петрарка выше, виртуознее Боккаччо, он мог на досуге отделять свои ученые трактаты, как обрабатывал стиль дружеских писем. Оба лелеяли идеал исторической, культурной Италии, который пытались приложить к современности, дабы оправдать в ней, что считали своим общественным идеалом — и расходились вследствие различного понимания свободы, и в той же древности они находили материал для анализа тех сторон своей личной жизни, тех насущных споров своего я, которых законность они ощущали страстно и вместе боязливо, не встречая им оправдания в христианской этике. Здесь они согласны, гуманистические трактаты Петрарки и Боккаччо отражают вопросы, которые ставила себе ищущая себя личность; только у Петрарки они одностороннее, общее, не откровеннее; это монотонная виртуозность *Canzoniere*; Боккаччо весь на лицо. как его итальянские писания до Декамерона рассказали внутреннюю историю его любви, так, после перелома Корбаччо, его латинские сочинения последовательно выразили искание новых путей: любовь и нравственность, нравственность и известность, судьба и призвание, призвание и сознание поэта, защита поэзии — вот путь от биографий Именитых женщин к Роковой участи великих людей и, далее, к Генеалогиям Богов.

Из книги: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники: В 2 томах. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893-1894. стр. 437-449.